

НЕСОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПСИХОТЕРАПИИ¹

М.М. РЕШЕТНИКОВ*

В данной публикации рассматриваются представления выдающихся мыслителей и врачей античности и средневековья о душевной жизни и психических процессах. Предпринимается попытка пересмотра некоторых традиционных положений о психике и формулируется гипотеза о роли мозга как биологического интерфейса. Содержание работы представляет собой часть более широкого контекста, где автор обсуждает этические вопросы современной лечебной практики и формулирует новые парадигмальные подходы к психопатологии.

Вступление

Психотерапевты не питают особой склонности к изучению истории философии — матери нашей специальности, считая, по-видимому, что психотерапия, как самостоятельная область знаний и практики, появилась только в конце XIX века (что справедливо лишь отчасти), а в итоге их профессиональное мировоззрение оказывается оторванным от своих корней и, в силу этого — достаточно фрагментарным. Это особенно печально, так как в процессе психотерапии мы все чаще встречаемся с проблемой смыслов, точнее — их утраты, и эта «психопатология», вне сомнения, лежит далеко за пределами наших традиционных взглядов.

В этом разделе мы попытаемся пройти (точнее — пробежать) по достаточно извилистой тропе познания и сложившихся представлений о духовном и психическом, естественно — апеллируя только к известным

¹ Глава из новой книги: *Решетников М.М.* Психическое расстройство. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. — 280 с.

* *Решетников Михаил Михайлович* — доктор психологических и кандидат медицинских наук, ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа, президент Российского отделения Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии. veip@yandex.ru

(оставшимся в веках) авторитетам, и то далеко не ко всем, а лишь к тем, кто когда-то оказался в кругу интересов автора.

Большинство просвещенных читателей хорошо знают эти имена, а многие, уверен, хотя бы раз в жизни просматривали их труды, но ранее мы смотрели на них исключительно через призму грубо-материалистического мировоззрения, и в результате многое осталось «за кадром». Попытаемся еще раз, насколько это возможно, обратиться хотя бы к некоторым из множества далеко не безупречных, иногда — даже примитивных, но тем не менее — в чем-то поразительных и даже восхитительных идей великих мыслителей. Естественно, что будут рассматриваться не все их идеи, а только те, которые имеют отношение к духовному и психическому. Поскольку 99% современных авторов так или иначе, прямо или косвенно, пытаются обосновать и утвердить недоказуемое, что никакой души не существует, мне представляется столь же актуальным обратиться к не менее недоказуемой (и столь же — непроверяемой) идее о несводимости всей духовной жизни к ограниченному понятию «психических процессов»².

Великие философы: Сократ, Платон и Аристотель

Сократ (469—399 до н. э.) происходил из семьи безвестного скульптора, служил в армии, проповедовал на улицах и площадях. Нам мало что известно о его образовании, но он остался в памяти человечества как выдающийся философ античности и истинный мудрец. Более того, одно из самых фундаментальных делений философии связано с его именем: на до- и послесократову. Несмотря на обилие тем, обсуждавшихся в устных (записанных позднее и, безусловно, дополненных) диалогах Сократа, одними из главных для него оставались вопросы воспитания добродетели, рассуждения о том, что есть добро и зло, что прекрасно, а что безобразно, что есть порок и как приобретается знание. Естественно, что достоверность или аутентичность сохранившихся записей достаточно сомнительна, но они, безусловно, передают доминирующее мировоззрение той эпохи, когда влияние Сократа было, фактически, всеобъемлющим.

Один из ключевых тезисов сократовой философии мне особенно близок, а именно — его этический рационализм, выражаемый формулой: «Добродетель — есть знание», который в современную эпоху стоило бы дополнить тезисом о том, что далеко не всякое знание — добро-

² При этом, как читатель сможет убедиться далее, мной совершенно не ставится задача доказательств существования Бога.

детельно. Не претендуя на сократову мудрость, готов подписаться под его убеждением, что сам он «ничего не знает» и, чтобы стать мудрым, расспрашивает других людей, что, в общем-то, составляет основное содержание деятельности большинства психотерапевтов, впрочем, как и всех, кто стремится к познанию. Свой метод собеседования Сократ именовал «повивальным искусством», имея в виду, что только способствует «рождению» знания, но сам не является его источником. И это также легко проецируется на те принципы психотерапии, которые исповедуются мной уже давно: «И проблема, и способ ее решения всегда принадлежат пациенту, а наша задача — только помочь осознать первое и найти второе».

Если анализировать диалоги Сократа с точки зрения методики их построения, то и здесь легко найти многое из того, что в настоящее время описывается как «психотерапевтические техники». Сократ активно использует опровержение с последующим приведением собеседника к противоречию с отвергаемым, проявляет притворное невежество, «отзеркаливание» вопросов и уход от прямых ответов, а также тонкую иронию, которая заставляет задуматься. Одна из ключевых идей Сократа состоит в том, что любой поступок только тогда имеет моральный смысл, когда человек совершает его осознанно и по внутреннему убеждению. Если же он ведет себя определенным образом только потому, что, например, «все так делают», — то в случае, если все станут вести себя плохо, не будет причин быть добродетельным (что находит прямое подтверждение в современном обществе упадка нравов и массовой «культуры»).

По Сократу, норма нравственности должна быть автономной, и нельзя в вопросах истины и добра полагаться на мнение большинства. Здесь уместно напомнить, что это критическое изречение было связано с оценкой наличной власти — афинской демократии и практики принятия государственных решений большинством голосов. Эта же «антигосударственная критика» фигурировала и в качестве одного из обвинительных заключений в процессе суда над «диссидентом» Сократом. Как известно, суд вынес ему смертный приговор, по официальной версии — за попытку введения новых божеств и за развращение молодежи. И это также имеет отношение к обсуждаемой нами теме «психического расстройства» (?), нормальности и ненормальности, психического и духовного, а именно — еще раз обосновывает тезис: «Мыслить нестандартно — не только непохвально, но и опасно».

Из немногих, дошедших до нас в пересказах диалогов Сократа особого внимания, с точки зрения предмета нашего исследования, заслу-

живает «Федон», записанный одним из его выдающихся учеников и будущим учителем Аристотеля — Платоном (428—347 до н. э.), который, в отличие от Сократа, был весьма знатного происхождения (его отец принадлежал к роду афинских царей, а мать — к роду законодателя Солона, одного из «семи мудрецов»). Почти все сочинения Платона написаны в форме диалогов, которые ведет Сократ. Приведем лишь несколько высказываний Сократа из сочинения «Федон». Обсуждая трудности на пути познания душевной жизни, Сократ говорит: «...Когда душа пользуется телом, исследуя что-то с помощью зрения, слуха или какого-нибудь иного чувства (ведь исследовать с помощью тела и с помощью чувств — это одно и то же!), тело влечет ее к вещам, непрерывно изменяющимся, и от соприкосновения с ними душа сбивается с пути, блуждает, испытывает замешательство и теряет равновесие... Когда же она ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собой и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем разумием...»³.

Главный вывод из этого тезиса, который нам пригодится при дальнейшем обсуждении, состоит в том, что *мы никогда не можем сколько-нибудь объективно судить о душевных процессах, которые лежат в основе всех психических и поведенческих феноменов (и симптомов), на основе наблюдений других людей, ведущихся посредством «тела и с помощью чувств»*. Именно этим тезисом можно было бы обосновать появление такого направления, как «интроспективная психология», считающая сознание сугубо психическим феноменом, познание которого возможно только путем самонаблюдения, и признающее, что *психические явления в целом познаются принципиально иным путем, чем материальные*. В советский период это направление именовалось не иначе, как «реакционным» или «буржуазной философией», и, фактически, было вычеркнуто из перечня возможных методов исследования и направлений развития психологии и психотерапии.

Конечно, приведенная цитата и авторитет Сократа не могут быть использованы в качестве доказательства некой особой «души», хотя бы уже потому, что и доказательство обратного, в принципе, столь же нереально. Но хотелось бы все-таки зародить у читателя сомнение отно-

³ Платон. Диалоги. М., 2007. С. 51.

сительно того, что познание мира *принципиально иным (внечувственным)*⁴ путем невозможно. И поэтому приведу еще одну цитату Сократа из «Федона», но предварительно напомним, что в то время, когда жили и Сократ, и Платон (IV век до н. э.), господствовали представления о Земле, как о центре вселенной – некоей тверди, вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды. Птолемей (87–165) – автор геоцентрической картины мира, родился только в конце I в. н. э., а автор гелиоцентрической системы мира Николай Коперник (1473–1543) – только в XV веке.

А теперь обещанная цитата: «...Земля, если взглянуть на нее сверху, похожа на мяч, ...пестро расписанный разными цветами. Краски, которыми пользуются наши живописцы, могут служить образчиками этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда более яркими и чистыми. В одном месте она пурпурная и дивно прекрасная, в другом золотистая, в третьем белая – белее снега и алебаstra; и остальные цвета, из которых она складывается, такие же, только там их больше числом и они прекраснее всего, что мы видим здесь. И даже самые [глубокие] ее впадины, хоть и наполнены водою и воздухом, окрашены по-своему, и ярко блещут пестротой красок, так что лик ее представляется единым, целостным и вместе нескончаемо разнообразным»⁵. Чтобы сравнить, можно посмотреть оригиналы или хотя бы репродукции фото, которые впервые были сделаны из космоса только через 2000 лет. И подумать – откуда у Сократа это знание?

Представления Платона современным, воспитанным на материалистических гипотезах читателям, скорее всего, покажутся странными. Например, на вопрос о том, как верно следовало бы понимать, что такое Солнце, Земля, Луна или звезды, Платон отвечает, что было бы наивно сводить их только к неким материальным объектам. Эти объекты могут только принять движение, но не являются его источником. Источник движения находится вне них, и именно этот источник Платон называет душой. Это, конечно, слишком примитивное объяснение. И мои рассуждения вовсе не преследуют цели доказательства истинности идей Платона. Здесь формулируются лишь сомнения о несводимости

⁴ Внечувственное познание в философии обозначается термином «трансцендентное» (от лат. *transcendo* — переступить), которым описывается (в противоположность имманентному) то, что находится за границами сознания и познания. Этот термин имеет важное значение в философии Канта, который считал, что познание человека не способно проникнуть в трансцендентный мир, мир «вещей в себе». Одновременно с этим Кант утверждал, что поведение человека диктуется трансцендентными нормами (свободной волей и бессмертной душой).

⁵ Платон. Диалоги. М., 2007. С. 54.

сти всего многообразия душевных процессов к тому, что мы именуем психическим и мозгом, и надеюсь, никто не подумает, что когда мы говорим о душе, речь идет о некоем благообразном старце с нимбом над головой, сидящим где-то на небесах.

В свое время мне достало смелости спросить искренне уважаемого мной преподавателя философии профессора В. П. Петленко, как можно объяснить то, что материя вечна и неуничтожима (и только переходит из одних форм ее существования в другие), а сознание появляется лишь на каком-то «этапе» этой вечности? Не логичнее ли было бы исходить из того, что: если материя вечна, то и сознание вечно? Виктор Порфирьевич ответил, что это очень сложный вопрос, поэтому лучше доверять авторитетам, и затем сослался на Энгельса и его подход к «основному вопросу философии» (в тот период — «единственно верной» — марксистско-ленинской): «материя первична, сознание — вторично». Должен признаться, молодого студента авторитетное мнение не сильно убедило, и найти каких-либо веских или хотя бы обычных логических доказательств этому авторитетному мнению мне так и не удалось⁶.

В заключение этого раздела добавлю, что мне также достаточно близка идея Платона о том, что познание — это, прежде всего, работа души или процесс воспоминания душой уже имеющихся знаний, а задача обучения состоит вовсе не в процессе вкладывания каких-то знаний в голову ученика, а в пробуждении его души. Можно только сожалеть, что современная педагогика лишь декларирует последнюю идею или воспринимает ее сугубо метафорически.

От Аристотеля (ок. 384—322 до н.э.) нас отделяет почти 24 века, но мы до сих пор перечитываем и цитируем его мысли и идеи. Он родился в семье врача, придворного медика царя Македонии. Значительную часть (почти двадцать лет) своей жизни Аристотель посвятил учебе и преподаванию в Академии Платона в Афинах, а затем был приглашен в качестве воспитателя к сыну царя Филиппа II — будущему Александру Великому.

Можно было бы начать этот раздел и с более ранних источников, но в своем трактате «О душе» Аристотель, хорошо знакомый с представлениями предшественников и последователей Сократа, подробно анализирует и обобщает их, во всяком случае — применительно к предмету нашей дискуссии. В этом трактате, утверждая, что исследования души всегда должны быть *приоритетными* (а мы вообще вычер-

⁶ С Энгельсом можно легко примириться, признав, что сознание, как социальный феномен, безусловно, вторично. Но только в таком варианте (сознание).

кнули эту проблему из числа актуальных, положившись на Энгельса), Аристотель еще в первой главе первой книги пишет: «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях, безусловно, труднее всего»⁷. Далее автор отмечает, что «в большинстве случаев, очевидно, душа ничего не испытывает без тела и не действует без него». Но, тем не менее, он соглашается с точкой зрения большинства упомянутых выше философов древности, признавая, что сама душа определяется признаком «бестелесности» (она не «есть некая пространственная величина»). Признание с его стороны получает и положение, согласно которому в познании душевных процессов следует исходить из принципа, что «подобное познается подобным», что еще раз возвращает нас, как оказалось, — к известному с незапамятных времен тезису о приоритетах интроспективной психологии и познании всей гаммы человеческих чувств и переживаний посредством самонаблюдения и эмпатии.

Аристотель считал нелепым, что некоторые «философы связывают душу с телом и помещают ее в него», но в то же время признавал, что душа движет живыми существами, но движет именно мыслью. Характеризуя это как наиболее сложный для понимания вопрос, автор поясняет его дополнительно: «Мы говорим, что душа скорбит, радуется, держит, испытывает страх, далее, что она гневается, ощущает, размышляет» (все это кажется действиями или движениями, и даже в современном языке имеются вербальные штампы о «движениях души» — *М.Р.*). Но Аристотель далее добавляет: «Между тем, сказать, что душа гневается — это то же [самое], что сказать — душа ткет или строит дом»⁸. Иными словами, когда говорят, что человек совершает какие-то душевные усилия или движения, — это неверно; само движение, по Аристотелю, не находится в душе, «оно то доходит до нее, то исходит от нее; [также] как восприятие от каких-то вещей доходит до нее, а воспоминание — от души к движениям или их остаткам в органах чувств»⁹.

Еще несколько цитат, со связками и комментариями. Ум человека, по представлениям Аристотеля, является некоторой сущностью, которая появляется, «внутри» [тела], а «старение происходит не оттого, что душа претерпела какое-то изменение, а оттого, что претерпело изменение тело»; способность к мышлению с возрастом слабеет, но лишь тогда, «когда внутри разрушается нечто другое, само же мышление ни-

⁷ Аристотель. О душе. М., 1995. С. 118.

⁸ Аристотель. О душе. М., 1995. С. 121.

⁹ Там же. С. 123.

чему не подвержено. Размышления, любовь или отвращение – это состояния не ума, а того существа, которое им обладает... Вот почему когда это существо повреждается, оно не помнит и не любит: ведь память и любовь относились не к уму, а к связи [души и тела], которая исчезла»¹⁰.

Еще раз обратим внимание на представления Аристотеля о «связях души и тела», идеального и материального, а также на тезис о том, что «подобное познается подобным». И добавим, помня сноску о Канте и трансцендентном, что философский дуализм, то есть признание равноправия идеального и материального, никогда не был опровергнут, он был просто «отброшен».

Параллельно с этими представлениями философов существовали и развивались материалистические гипотезы, возникновением которых мы обязаны исключительно врачам.

Великие врачи: Гиппократ, Гален и Авиценна

Выдающийся врач Гиппократ (460–377 до н. э.) жил раньше Платона и Аристотеля и, по преданиям, принадлежал к восемнадцатому поколению династии врачей, притязавших на то, что они ведут свой род от самого Асклепия, воспетого Гомером. Уже в двадцать лет он был посвящен в жрецы, что являлось обязательным условием врачебной деятельности. Его другом был Демокрит, которому мы обязаны общенаучным принципом причинности и медицинским термином «этиология», обозначающим учение о причинах болезней. Имя Гиппократа почти сразу после его смерти стало «собирательным» и, скорее всего, многие из приписываемых ему сочинений принадлежат его ученикам, а то и вовсе другим авторам (например, Гален признавал подлинными только 11 из 70 сочинений Гиппократа).

Самое удивительное, что, будучи человеком, безусловно, в высшей степени образованным, Гиппократ не так уж много внимания уделял душевным процессам, во многом предопределив на долгие века основы узко медицинского подхода к любым проявлениям нездоровья, строго говоря, независимо от их этиологии – соматической или психогенной.

Хотя школе Гиппократа и приписывается один из классических принципов медицины: «Лечить не болезнь, а больного», – основное внимание в разработке диагностики и лечения уделялось «природе тела», на которое оказывают воздействие внешние (ветер, холод и т. д.) и внутренние факторы. Среди последних самыми значимыми считались желчь

¹⁰ Там же. С. 123.

и слизь, — психогенные факторы в качестве самостоятельных Гиппократом не рассматривались. Воздух оценивался им как сила, которая поддерживает связь организма с миром и привносит в него разум, но вместилищем самих психических функций в системе Гиппократа уже однозначно становится головной мозг. Эта идея не принадлежала Гиппократу — впервые она была сформулирована до него Алкмеоном Кротонским, который, отталкиваясь от своей хирургической практики, пришел к выводу, что мозг — есть орган души. Как в представлениях Гиппократа уживались идеи о том, что разум в организм приносится с воздухом, а, наряду с этим, вместилищем всех психических функций является мозг (при такой логике, скорее, надо было бы подумать о легких) — мы не знаем.

Еще совсем недавно уже наши современники отдавали Гиппократу приоритеты открытия темпераментов, упоминали его заслуги по очищению медицины от ложных философских теорий, находили у него первые проявления психосоматического подхода — вряд ли все это так уж заслуженно. Гиппократа, безусловно, можно отнести к числу выдающихся врачей-практиков, но его познания в области анатомии, как и физиологии, были весьма ограниченными (тем более, что вскрытие при его жизни находилось под запретом), а что касается психологии, даже с точки зрения приписываемой ему теории темпераментов, то и это знание было, скорее всего, приобретением более позднего времени. Все врачи до настоящего времени принимают «клятву Гиппократа», но и ее авторство является сомнительным, что, однако, ничуть не умаляет высоты ее содержания и значения этого ритуала вхождения в профессию.

В отличие от Гиппократа, которого отец с раннего детства приобщал к медицине и «изучению болезней тела», его выдающийся последователь Клавдий Гален (130—200 гг. н. э.) родился в семье архитектора, и начал свое образование с философии, что внесло определенные различия в мировоззрения этих двух выдающихся личностей. Медицина стала вторым увлечением Галена, а его практика в качестве врача гладиаторов предоставила огромные возможности для исследования анатомии и физиологии человека и животных, погибших на арене. Его научные труды, большая часть оригиналов которых погибла при пожаре в книгохранилище храма Мира в Риме, тем не менее, на протяжении 14 веков (вплоть до создания анатомии Андреаса Везалия) изучались в списках и были основными пособиями для нескольких десятков поколений будущих врачей. Гален описал и дал названия многим костям, мышцам и суставам человеческого тела, описал зрительный нерв, выделил чувствительные и двигательные нервы, дока-

зал, что по артериям течет кровь (до него считалось, что они наполнены воздухом); ему же мы обязаны появлением «галеновых препаратов», рецептурой «кольдкрема», модификации которого используются в косметологии до настоящего времени.

Но его главное отличие от великих врачей-предшественников состояло в постулате об особой «душевной пневме», которая проникает в тело человека и сообщает ему способность чувствовать и мыслить. Это положение сближает взгляды Галена с представлениями Аристотеля и Платона, хотя Гален формулирует свои идеи более осторожно. Приведем одну из его цитат: «Мы доказали в нашей работе «О догматах Гиппократата и Платона», что головной мозг есть начало всех нервов, всякого ощущения и произвольного движения. <...> Многие называют его «головным мозгом», подобно тому, как говорят «спинной мозг»; другие, не называя его головным мозгом, называют его просто мозгом. Но и согласно последним, это — смысл слова, а не его название, которое характеризует эту часть; таким образом, то, что высказано нами с самого начала, остается непреложным, а именно, что головной мозг не имеет подобного глазам, ушам, языку, легкому и почти всем другим частям специального названия, определяющего его сущность. О перечисленных выше частях можно сказать, что орган зрения называется глазом, орган слуха — ухом, то же — и по отношению к каждой из других частей. Но мы не можем сказать, как называется орган, являющийся началом ощущения и движения»¹¹. Сравним это высказывание с уже приведенной выше выдержкой из Аристотеля, в которой он утверждает, что движение не находится в душе, «оно то доходит до нее, то исходит от нее; [также] как восприятие от каких-то вещей доходит до нее, а воспоминание — от души к движениям или их остаткам в органах чувств»¹², и тогда фразу Галена «головной мозг есть начало всех нервов» следовало бы читать, как «*только нервов*» (то есть — проводящих путей, центром которых он является). Гален не нашел названия особому органу, где «начинается движение», но мне, как представляется, удалось (с учетом современного уровня знания) сформулировать гипотезу о нем, о чем будет сказано в конце главы.

Авиценна (980—1037) был крупнейшим представителем восточного аристотелизма. Большая часть его жизни прошла в Бухаре, а умер он во время одного из военных походов своего эмира в Иране. Наряду с множеством трудов, посвященных астрономии, математике, музыке

¹¹ Гален. О назначении человеческого тела. М.: Медицина, 1970. С. 31.

¹² Аристотель. О душе. М., 1995. С. 141.

и метафизике, особой известностью до настоящего времени пользуется его «Канон врачебной науки», заверченный в 1020 году. В этом «Каноне...» Авиценна перерабатывает и переосмысливает, безусловно, хорошо ему известные, достижения античной медицины. Однако в результате такой переработки места для душевных процессов практически уже не остается: мировоззрение Авиценны предельно анатомично. Демонстрируя высочайшую наблюдательность и способность к обобщению, Авиценна дает нам почти классическое описание некоторых психических расстройств, но связывает их исключительно с повреждением тех или иных отделов мозга или с нарушениями обмена жидкостей в теле. Понятие душевных процессов в его мировоззрении практически отсутствует, и такова его однозначная позиция. В разделе «Об определении медицины» Авиценна пишет: «Я утверждаю: медицина – наука, познающая состояние *тела* (курсив мой – М.Р.) человека... Здоровье – это способность или состояние, благодаря которому функции органа, предназначенного для их выполнения, оказываются безупречными...»¹³. Психика для Авиценны – также всего лишь одна из телесных функций, а ее расстройства – результат исключительно *физических* повреждений мозга, что подтверждается его, вне сомнения, гениальными (с точки зрения феноменологической психиатрии) описаниями умопомешательства и меланхолии, которые уместно привести почти без сокращений.

Умопомешательство: «Разновидности повреждений, постигающих способности мозга, выясняются и познаются тройким образом. Если ощущения человека остаются неповрежденными и очертания предметов представляются ему наяву и во сне правильно, а затем вещи и обстоятельства, которые он видит наяву или во сне и о которых можно рассказать, исчезают и не остаются [в памяти], когда он слышит о них или их наблюдает, значит у него повреждена память и задняя часть мозга. Если же такого расстройства нет, но человек говорит то, чего не следует говорить, остерегается того, чего не следует остерегаться, одобряет то, чего не следует одобрять, надеется на то, на что не следует надеяться, требует того, чего не следует требовать, делает то, чего не следует делать, и не может обдумывать того, что требует размышления, значит, повреждена способность мыслить и средняя часть мозга. <...> Причины всех этих [повреждений] могут корениться либо в самом мозгу, либо в другом органе; иногда она [исходит] извне, как например, при ударе или падении»¹⁴.

¹³ Авиценна. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980. С. 310.

¹⁴ Там же. С. 311.

Меланхолия: «Меланхолией называют уклонение мнений и мыслей от естественного пути в сторону расстройства, страха и порчи вследствие черножелчной природы, которая угнетает пневму мозга своей темной и беспокоит ее, как угнетает и устрашает внешняя темнота; к тому же, холодная и сухая натура неприятна пневме и ослабляет ее, тогда как горячая и влажная натура, как например, натура вина, ей приятна и ее укрепляет. Когда меланхолия сочетается с раздражением, нападением [на людей] и злобностью, то она называется манией, а меланхолией [в собственном смысле] называют только [болезнь], возникающую от нестерпевшей черной желчи»¹⁵. Хотя Авиценна и упоминает здесь галенову «пневму», у него это понятие носит уже почти исключительно декоративный характер.

Даже немного странно, что Авиценну совершенно не занимает вопрос, а кто сказал или кем предписано, чего не следует говорить, остерегаться или одобрять, на что не следует надеяться, чего не следует делать и т.д. Задавая такие вопросы, мы тут же обращаемся к понятию духовной культуры, которая всегда принадлежит конкретной эпохе, и вряд ли может соотноситься с какой-либо мозговой структурой, апеллируя, скорее, к социально обусловленным представлениям о психической норме. Невольно хочется предположить, что его служба то в качестве личного врача, то в качестве визиря могущественных и авторитарных эмиров наложила определенный отпечаток на его мышление и отношение к предмету познания, где представления о том, «как должно» поступать или думать оказались безусловно преобладающими.

Из чего исходили врачи – и древности, и современности? Из их анатомического, хирургического и физиологического опыта: повреждение мозга (физическое или химическое) приводило к тем или иным нарушениям функций. Но доказательность этих наблюдений достаточно шаткая. Несколько упрощая, доказательство такого рода можно уподобить логике телемастера, который, демонстрируя повреждение звукового блока или развертки изображения, пытается убедить нас, что все программы передач генерируются внутри телевизора.

В дополнение к уже сказанному, уместно еще раз пояснить: то, что мною столь много внимания уделяется представлениям выдающихся мыслителей о душе, имеет веское моральное основание: еще совсем недавно при трансляции их философского наследия все это опускалось как не представляющее интереса или ошибочное. В итоге эти гении, не упоминать которых было невозможно, нередко представляли в наших

¹⁵ Там же. С. 327.

умах чуть ли не как первые материалисты, что, конечно же, существенно обедняло наши представления о познании душевной жизни и поисках истины.

Заключение

Мы могли бы обратиться еще к философу Августину (354–430) и его сочинениям «О бессмертии души» и «О количестве души»; к выдающемуся врачу Парацельсу (1493–1541), которого считают основоположником современной гомеопатии и фармакологии («Все – яд, все – лекарство; то и другое определяет доза»), одновременно отдавая дань его представлениям о человеке как существе, принадлежащем Вселенной и лишь отражающем ее в своем микрокосме; к сомневающемуся во всем математику, философу и физиологу Рене Декарту (1596–1650), предложившему «лучший путь познания природы души и ее отличия от тела» и, как он считал, доказавшему существование Бога. Декарту мы также в первую очередь обязаны понятием рефлекса и моделью организма как «машин», что нашло свое развитие в работах И.М.Сеченова и И.П.Павлова. Нам, возможно, следовало бы обратиться также к Францу Антону Месмеру (1734–1815) и его «животному магнетизму», последователи которого до сих пор успешно практикуют лечение методом «наложения рук», а также рекламируют и продают магниты от всевозможных болезней. Нам, конечно, не следовало бы обходить вниманием Георга Фридриха Вильгельма Гегеля (1770–1831) и его «Феноменологию духа», главной в которой была идея Абсолюта. Стоило бы остановиться и на его идее диалектики науки, которая, по мнению самого автора, проходит три стадии: тезис (античность) – антитезис (средневековье) и синтез (двух первых) в Новое время. Эта тема особенно интересна, так как «Новое время» явно завершилось, и, может быть, как раз сейчас имеет смысл снова вернуться к «тезису». В целом, все изложенное и является такой попыткой. Но бесконечное расширение этого раздела, вряд ли, внесло бы в него нечто существенно новое, сравнительно с тем, что уже было сказано выше.

Идеи о душевной жизни и мозге неоднократно трансформировались за последние две тысячи лет. Более того, можно признать, что чем дальше (точнее – чем ближе к современности), тем более явно становится то, что эти идеи излагаются все более туманно, расплывчато и неконкретно, удаляясь от основного вопроса, который просто растворяется в дискуссии. Обращаясь к античному знанию, не могу справиться с соблазном процитировать сравнительную оценку этого знания, которую дает ему Гегель, сопоставляя с «добродетелями» своего време-

ни: «Античная добродетель имела свое определенное несомненное значение, ибо у нее была своя наполненная содержанием основа...»¹⁶. В отличие от этого, современная добродетель (включающая и знание) Гегелем характеризуется философом как «пустота риторики, борющейся с общим ходом вещей <...> путем нового нагромождения фраз»¹⁷. И далее он пишет: «В ничтожестве этой риторики, хотя и бессознательно, убедилась, по видимому, образованность нашего времени, так как все нагромождения этих фраз и манера чваниться этим потеряли всякий интерес, и это выражается в том, что они наводят только скуку»¹⁸.

На протяжении трех последних столетий, в процессе борьбы не столько с религиозными представлениями, сколько с властью церкви, постепенно заменив ее новой властью и своеобразной светской теологией в форме «научного материализма» (вызывающего сомнение, как и любая «истина в последней инстанции»), мы почти утратили высокие представления о душевной жизни человека, сведя ее к неким мозговым механизмам.

Возможно, это прозвучит не слишком убедительно, но хотел бы выразить предчувствие, что со временем такая особая роль мозга будет пересмотрена, и в новой системе представлений ему будет отведена более скромная, но не менее значимая роль – связующего звена между идеальным и реальным, или, выражаясь современным языком, – биологического интерфейса¹⁹. Надеюсь, что эта идея послужит стимулом развития качественно новых научных подходов как в психиатрии, так и в психотерапии. Добавлю, что эта идея не отменяет, а лишь дополняет современную концепцию о головном мозге как центральной и интегрирующей части всей нервной системы.

Почти уверен, что кто-то из коллег обвинит меня в богоискательстве, кто-то – в уходе в мистику. Ни то, ни другое мне не близко. Критика, безусловно, должна быть, но было бы еще лучше, если бы появилось убедительное экспериментальное подтверждение той или иной точки зрения. А пока этого нет, у меня остается право сомневаться в небезупречности современных попыток однозначного определения – что же есть истина?

¹⁶ Гегель Г.Ф. В. Феноменология духа. М.: Наука, 1992. С. 112.

¹⁷ Там же. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 118.

¹⁹ Интерфейс – любое устройство, связующее две системы. В этом смысле вожжи являются интерфейсом для кучера и лошади, клавиатура и экран ПК – для компьютера и пользователя и т.д.